

Солопова М.А.

старший научный сотрудник Института философии РАН. Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1.

E-mail: msolopova@yandex.ru.

Трактат Аристотеля «О юности и старости, жизни и смерти» как часть сборника *Parva naturalia*

Аннотация: В данной публикации рассматривается основная проблематика трактата Аристотеля «О юности и старости, жизни и смерти», входящего в сборник *Parva naturalia* (малые естественнонаучные сочинения). Вниманию читателя впервые предлагается перевод на русский язык этого аристотелевского произведения, в предваряющей перевод статье кратко излагаются аргументы в пользу и против публикации этого текста как самостоятельного трактата из 6 глав и как части большого трактата из 27 глав «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании» (в котором в таком случае гл. 7–27 соответствуют тексту трактата «О дыхании», а гл. 1–6 трактату «О юности и старости, жизни и смерти»). В статье уделено внимание изложению основных вопросов и терминов, отдельные положения трактата сопоставляются с другими местами из сочинений Аристотелевского корпуса. К наиболее важным темам, на которые обращено внимание в исследовании, относятся: учение о сердце как середине и как важнейшем органе живого тела, о «периттоме» (выделениях непереваренных излишков пищи), рассуждение о двух видах угасания огня как метафоре жизни и смерти, о внутреннем природном тепле. Полный перевод трактата представлен после последовательного анализа содержания его шести глав.

Ключевые слова: Аристотель, *Parva naturalia*, жизнь, душа питающая, растения, животные, середина, сердце, пища, природное тепло.

Произведения серии малых естественнонаучных сочинений Аристотеля в последние годы стали предметом специальных исследований на русском языке, появились их первые переводы, подробно излагались вопросы о составе так называемой серии *Parva naturalia* и о происхождении этого названия, разъяснялась тематика трактатов, обсуждались содержательные и текстологические проблемы, связанные с традицией их издания. К одной из наиболее запутанных страниц этой части аристотелевского наследия относится вопрос о составе заключительного произведения серии, принимаемого либо за один трактат «О юности и старости, жизни и смерти, и о дыхании» либо за два отдельных произведения: «О юности и старости, жизни и смерти» и «О дыхании». Аргументы за и против каждого из решений были приведены в отечественных работах, специально посвященных данному вопросу¹, вкратце их можно суммировать следующим образом.

Аргументы в пользу единства двух трактатов: 1) в рукописной традиции нет отдельного трактата «О дыхании», он всегда входит в состав трактата «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании»; 2) трактат «О дыхании» не упомянут ни в одном каталоге; 3) его текст начинается с «потому что» (γάρ) – невероятное начало для самостоятельного произведения; 4) в трактате «О юности и старости, жизни и смерти» не сказано о причинах того, о чем говорится в его заголовке; 5) В *De resp.* 17 неожиданной вставкой даются определения того, что такое юность и старость, жизнь и смерть – предмет исследования, обозначенный в начале трактата «О юности и старости, жизни и смерти»; 6) в заключение трактата «О дыхании» Аристотель подводит итог всему «исследованию о жизни и смерти» (*De resp.* 21, 480b 21–22), – в согласии с планом, объявленным в начале исследования (*De juv.* 1, 467b10–11).

К приведенным выше доводам можно добавить и такой: в трактате «О дыхании» Аристотель неоднократно использует выражение «как было сказано ранее» (ὡς ἔρηται πρότερον), что он делает только применительно к сказанному ранее в том же самом произведении. Если таким образом он ссылается на другое сочинение, то он или указывает его название, или говорит καθάπερ ἐν ἑτέροις εἴρηται πρότερον, «как сказано в других книгах (рассуждениях)». Всего отсы-

¹ *Солопова М.А.* О месте трактата «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании» в корпусе аристотелевских сочинений, его названии и разделении текста издателями // *ΣΧΟΛΗ*. 2018. Т. 12. № 1. С. 167–181; *Месяц С.В.* Трактат «О дыхании» и его место среди малых естественно-научных произведений (*Parva naturalia*) Аристотеля // *История философии*. 2020. Т. 25, №1. С. 95–100.

лок по формуле $\psi\beta\lambda\epsilon\rho\ \epsilon\dot{\iota}\rho\eta\tau\alpha\iota\ \pi\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omega\nu$ в трактате «О дыхании» восемь, из них одна – на сочинение «О душе» (474b11). В остальных семи случаях это или отсылки к конкретным местам из трактата «О юности и старости, жизни и смерти» (474a25–26; 474b14; 478b34), или отсылки к сказанному в том же тексте «О дыхании» (475a26; 475a29–30; 475b25; 477a13–14). В трактате «О юности и старости, жизни и смерти» мы встречаем подобную отсылку один раз (с упоминанием конкретного названия – «О частях животных», 468b32). Такая манера авторского цитирования в трактате «О дыхании» указывает на то, что для Аристотеля трактаты «О юности и старости, жизни и смерти» и «О дыхании» были одним сочинением.

Аргументы против (соответственно, в пользу признания отдельного трактата «О дыхании» и отдельного – «О юности и старости, жизни и смерти») состоят в следующем: 1) у самого Аристотеля и у его позднейших комментаторов имеются отсылки к сочинению «О дыхании», и 2) упоминание о дыхании отсутствует при формулировке темы дальнейшего исследования в концовке трактата «О долготе и краткости жизни»². На основании этого последнего аргумента «от молчания» можно предположить отдельное существование трактата «О дыхании». Но более весомым аргументом является указание на то, что многие античные и византийские комментаторы Аристотеля от Александра Афродисийского до Михаила Эфесского упоминают о сочинении с названием «О дыхании» или «О вдохе и выдохе»³. И сам Аристотель упоминает его три раза в сочинении «О частях животных»⁴. Правда, подобного рода ссылки в текстах Аристотеля зачастую вызывают сомнения в том, что они были сделаны самим авто-

² Здесь сказано: «Остается рассмотреть, что такое юность и старость, жизнь и смерть и на этом наше исследование будет завершено», *Солопова М.А.* О месте трактата «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании»... С. 171.

³ В исследовании С.В. Месяц указаны следующие места: *Александр Афродисийский*, In De sensu 6, 16–18; *Симпликий*, In De anima 149, 1–3: $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omega}\ \Pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\upsilon\omega\eta\varsigma$; 291, 21–24: $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omega}\ \Pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\upsilon\omega\eta\varsigma\ \tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\kappa\lambda\upsilon\omega\eta\varsigma$; *Иоанн Филопон*, In De anima 381, 5: $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omega}\ \Pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\upsilon\omega\eta\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\kappa\lambda\upsilon\omega\eta\varsigma$; In Part. anim. 11, 21: $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omega}\ \Pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\upsilon\omega\eta\varsigma$; *Михаил Эфесский*, In Parva nat. 51, 30: $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omega}\ \Pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\upsilon\omega\eta\varsigma$ – при этом Михаил включает рассуждение о дыхании в трактат «О юности и старости, жизни и смерти» (*Месяц С.В.* Трактат «О дыхании» и его место среди малых естественно-научных произведений Аристотеля. С. 97).

⁴ См.: *Аристотель*, De part. anim. III, 669a4; IV, 696b1; 697a22: $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\upsilon\omega\eta\varsigma$ (эти места указаны в статье: *Месяц С.В.* Трактат «О дыхании»... С. 96). Отметим, что в греческом тексте стоит не $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omega}\ \Pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\upsilon\omega\eta\varsigma$, а $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\upsilon\omega\eta\varsigma$, что не исключает отсылку к рассуждениям на указанную тему, а не к сочинению.

ром, а не позднейшими редакторами и переписчиками. И в данном случае эти сомнения небеспочвенны.

Дело в том, что трактат «О дыхании» при любом варианте решения вопроса о его самостоятельности был написан не ранее, чем трактат «О юности и старости, жизни и смерти». А в нем, в свою очередь, тоже есть отсылка к трактату «О частях животных» (De juv. 468b32), следовательно, «О частях животных» – более ранний. Это был бы редкий случай обоюдной ссылки, когда в каждом из двух своих произведений Аристотель ссылается на другое. Не имея возможности обосновать случай подобного уникального цитирования, остается считать ссылки в одном из трактатов издательской вставкой.

Но может быть, вставкой является отсылка в трактате «О юности и старости», а не три отсылки в «О частях животных»? Для ответа на этот вопрос нужно обратить внимание на то, о чем говорится в подобных случаях. И оказывается, что Аристотель в трактате «О юности и старости» говорит о том, о чем у него было возможно сказать не просто ранее, но впервые (это вопросы о прямохождении человека, расположении сердца в середине и о том, что оно является началом вен, о выделениях-периттоме). Так, слова «ранее в трактате “О частях животных” мы утверждали, что сердце является началом вен» (De juv. 468b32) не вызывают сомнения, что именно в трактате «О частях животных» данный вопрос должен был разбираться впервые. Следовательно, именно этот текст более ранний, а отсылки в нем к трактату «О дыхании» похожи на позднейшие вставки⁵.

Таким образом, единственное, что имеется в нашем распоряжении в пользу признания «О дыхании» самостоятельным произведением – цитирование его названия у позднеантичных комментаторов. Что касается трактата «О юности и старости, жизни и смерти», то здесь вопрос не в том, было ли такое отдельное сочинение, а в каком объеме оно существовало. Рукописная традиция знает только такое название с добавлением или с пропуском в заголовке слов «и о дыхании», хотя известен вариант «О жизни и смерти», упоминаемый в одном из античных каталогов сочинений Аристотеля (у Птолемея ал-Гариба). Основание для разделения одного трактата «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании» на три разных можно усмотреть уже в комментариях Александра Афродисийского к трактату Аристо-

⁵ Правда, в «О душе» III, 9, 432b11–12 Аристотель обещает исследовать «вдох и выдох, сон и бодрствование», и это больше похоже на авторскую ремарку, поскольку Аристотель намечает контуры будущего исследования, точного объема и названия которого у него еще нет.

теля «Об ощущении и ощущаемом»⁶; эта идея с отделением трактата «О жизни и смерти» была воплощена в издании Трико⁷, но осталась пока без поддержки у последующих переводчиков и издателей текста.

Сказанного достаточно, чтобы попробовать прочитать «О юности и старости, жизни и смерти» и «О дыхании» по отдельности в согласии со сложившейся традицией их издания. Хотя в пользу существования расширенного варианта трактата в составе 27 глав аргументы более весомы и многочисленны, история вопроса показывает, что малые естественнонаучные сочинения были объединены в тематический цикл позднее прочих, получили свои названия не сразу, при этом до сих пор нормой для издательской практики остается (вопреки рукописной традиции) раздельная публикация этих двух текстов, завершающих серию *Parva naturalia*. Начало этой практике было положено критическим изданием И. Беккера (Bekker, 1831) и в целом поддержано последующими издателями и переводчиками, среди них: Ж. Бартеlemi-Сент-Илер (J. Barthelemy-Saint-Hilaire, 1847), В. Хетт (Hett, 1936), В. Огле (1897), Ж. Трико (1951). Вильгельм Биль, напротив, напечатал трактат в составе 27 глав под общим заголовком «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании», но для раздела о дыхании дал двойную нумерацию глав⁸. Так же, с некоторыми изменениями, поступил и Дэвид Росс (Ross, 1955), представивший на сегодня наиболее авторитетный текст и комментарий трактата.

Нами были приведены в основном аргументы формального порядка о том, как читать и как разделять имеющийся текст. Можно ли указать иное основание, по которому тексты двух трактатов могут быть обособлены друг от друга? Как представляется, да. В трактате «О юности и старости, жизни и смерти» Аристотель рассуждает о том, что имеет отношение ко всем живым существам – растениям и животным. Для его изложения характерен методичный переход от животных к растениям или наоборот, попытки сравнить при каждой возможности: как обстоит дело в одном случае – а как в другом. Все-му живому свойственно жить и умирать, всему живому свойственно проходить свой жизненный путь от юности до старости, – хотя для описания отдельных этапов этого пути требуется порой свой язык, разные устойчивые выражения, когда говорится о растениях и когда говорится о животных. Этот же универсальный подход отличал трак-

⁶ Подробнее см.: *Месяц С.В.* Трактат «О дыхании»... С. 97–98.

⁷ *Tricot J.* (trad.) *Aristote, Parva naturalia suivis du Traité pseudo-aristotélicien De spiritu.* Paris: Vrin, 1951.

⁸ *Aristotelis Parva naturalia / Rec. G. Biehl.* Lipsiae: B.G. Teubneri, 1898. P. 87–118.

тат «О долготе и краткости жизни». Но рассуждение в трактате «О дыхании» имеет отношение только к животным, причем не ко всем, а только к наиболее развитым – обладающим легкими или жабрами как их аналогом. Исключая из поля зрения растения и большие классы животных, Аристотель дает основание для прочтения трактата «О дыхании» как обособленного рассуждения, а тем самым ставит несколько особняком шесть глав трактата «О юности и старости, жизни и смерти».

Эти главы, как и большинство текстов сборника *Parva naturalia*, посвящены вопросам, дополняющим и развивающим учение Аристотеля о душе, – в данном случае учение о растительной душе (способности) как начале и источнике жизни для всего живого. Основные моменты этого учения были им изложены во второй книге трактата «О душе», – на это сочинение Аристотель ссылается в первой же главе трактата «О юности и старости» (*De juv.* 1, 467b13), указывая необходимый контекст для его чтения.

Если главы «О юности и старости, жизни и смерти» рассматривать обособленно от трактата «О дыхании», то, как мы сказали, основной проблемой становится отсутствие в нем исследования того, о чем сказано в заголовке. Но если в нем не говорится или мало говорится о жизни, смерти, юности и старости, то каким же вопросам посвящен этот текст? Эти главы имеют свою определенную тему, в них Аристотель рассуждает преимущественно о сердце (сердцевине) как середине живого тела, как главнейшем органе, очаге жизни для животных и растений. И хотя о сердце Аристотель говорил ранее в других своих сочинениях, преимущественно в «О частях животных», без этого небольшого текста его учение о сердце было бы не полным. В целом, с учетом ряда других произведений, Аристотель затрагивает следующие вопросы: сердце как середина; приоритет сердца в генезисе живого существа; сердце как начало питающей способности души; сердце как место сохранения жизненного тепла; сердце у животных и его аналог у растений; сердце как главный орган в процессе пищеварения (ибо кровь – последняя пища, из которой возникают органы); сердце как центр кроветворения; сердце как орган, согласующий действия всех пяти органов чувств. Эти моменты учения Аристотеля о сердце, которое было бы интересно более подробно исследовать, помогают понять отдельные замечания в нашем трактате «О юности и старости, жизни и смерти» о том, что сердце является главным органом, регулирующим жизнь живых существ (ср. 469a8 τὸ κῶριον πρὸς τὸ οὐ ἔνεκα διατελεῖν).

Верх и низ для растений и животных [De juv. 1, 467b10–468a12]

В начале Аристотель формулирует тему предстоящего исследования и говорит, что в нем пойдет речь «о юности и старости, о жизни и смерти», и добавляет, что в рамках своего рассуждения он обратится к исследованию также причин дыхания. И поясняет, что благодаря дыханию «некоторые животные» живут, а без дыхания – умирают. Исследование дыхания станет основной темой последующих глав – т.е. трактата «О дыхании», где большое внимание Аристотелем будет уделено критике предшествующих философов (De resp. 1–7), которые полагали, что дыхание присуще всем животным. Но здесь смысл слов о «некоторых животных» сохраняет интригу.

В качестве отправной точки рассуждения Аристотель принимает свой тезис о бестелесности души и о ее локализации «в той части тела, которая обладает большей силой по сравнению с другими частями». Но известно, что он вслед за Платоном принимал трехчастное деление души (душа растительная, чувствующая, разумная) – какую душу следует иметь в виду? Философ говорит, что его будет интересовать то общее, благодаря чему живыми являются как растения, так и животные. Животное от не-животного отличается наличием способности ощущать (иными словами, благодаря душе ощущающей), но растения этой способности лишены, при этом живыми являются и те и другие, – поэтому предмет своего интереса Аристотель обозначает как сферу деятельности души растительной (αὐξητική) / питающей (θρεπτική), чья функция – перерабатывать пищу для роста и поддержания жизни. Далее он будет пользоваться терминами «душа питающая» (θρεπτική ψυχή), «питающее начало» (θρεπτική ἀρχή) или начало питающей души (θρεπτικῆς ἀρχῆς ψυχῆς).

Это начало, по Аристотелю, должно находиться посередине, причем координаты для середины задаются векторами вперед-назад (это вектор чувственного восприятия: «спереди» – сторона, откуда мы воспринимаем, откуда «приходит ощущение») и верх-низ (это вектор питания: верх – то, откуда принимается пища). Верхняя часть тела (голова у людей и животных, корни у растений) – та, с помощью которой поступает пища, нижняя – та, с помощью которой производятся негодные выделения (периттома) после завершения пищеварения. Что касается ощущений, то Аристотель особо отмечает наличие некоего общего органа наряду с отдельными органами ощущений (ἐν τῷ κοινῷ αἰσθητήριον), в котором сходятся все воспринятые ощущения.

Рассуждение о верхе и низе приводят Аристотеля к утверждению о противоположности растений и животных, а также об особом по-

ложении человека в мире живой природы: для людей верх соответствует верху мирового целого, потому что только человек отличается прямохождением. Его голова направлена туда, где верх космоса, к небу и Солнцу (верх – то, куда движется огонь), между тем как у остальных животных голова «находится посередине». Укорененные в земле растения ориентированы иначе, чем животные, ведь их голова – это корни, которыми они добывают себе пищу из земли. Для них верхом является земля (то, откуда они берут пищу), хотя для нас это низ. Получается, что в мире живой природы пространство (верх и низ, вперед и назад) не совпадает с пространством космическим.

Интересна заключительная аналогия между корнями растений и ртом животных как органами, с помощью которых они берут свою пищу: «одни свою пищу получают корнями из земли, а другие из себя самих» (τὰ μὲν ἐκ τῆς γῆς λαμβάνει, τὰ δὲ δι' αὐτῶν, 468a11-12). Данное место может вызвать затруднение: о ком сказано «одни» и «другие»? Хетт полагает, что Аристотель здесь имеет в виду растения и переводит так, что своими корнями, аналогично рту, одни растения (some) берут свою пищу из земли, а другие растения (others) – друг от друга (from each other). И считает нужным пояснить свой перевод: «повидимому, Аристотель имеет в виду растения-паразиты наподобие омелы»⁹. Росс указывает на возможность понять данный фрагмент иначе: «поскольку οὗ грамматически должно соотноситься с τὸ καλοῦμενον στόμα, то в обсуждаемой фразе τὰ μὲν ἐκ τῆς γῆς λαμβάνει, τὰ δὲ δι' αὐτῶν различаются животные травоядные (animals graze) и хищные, плотоядные (those that live off one another), т.е. поедающие других животных, и в этом смысле животные едят «сами себя». Однако Росс полагает, что эту фразу не следует переводить буквально так, и что под τὰ μὲν ἐκ τῆς γῆς λαμβάνει Аристотель все же имеет в виду растения, а τὰ δὲ δι' αὐτῶν – животных. Животные должны переварить свою пищу, в то время как растения получают уже переработанную землей пищу, в готовом виде.

Середина и деление животных на части [2, 468a13–b15]

В начале главы Аристотель говорит о тройком разделении тела «вполне развитых животных» (ζῷα τελεία): на часть, которой ими воспринимается пища, часть, которой выводится излишнее (периттома), и середину между тем, чем принимается пища и тем, чем она выводится ненужное, у крупных животных эта часть называется грудью.

⁹ Hett W.S. (trans.) Aristotle. On the Soul. Parva naturalia. On Breath. Camb., MA., 1957. P. 414.

Выражение «совершенные животные» встречалось у Аристотеля ранее в трактате «О частях животных»¹⁰; он имеет в виду полноценные взрослые особи в отличие от недоразвитых, как он пояснит в дальнейшем тексте «О дыхании», – эмбрионов, яиц, икринок, семян (De resp. 478b30).

Локализацию питающей души посередине этих трех частей Аристотель аргументирует тем, что многие животные при отсечении одной из двух половин сохраняют живучесть вместе с той частью, вместе с которой останется после отрезания середина – условно или вместе с головой, или вместе с желудком. У растений и насекомых это растительное начало, средняя часть «потенциально множественна». После разделения на части окажется не одна, а две живущих половины, каждая со своим началом. И части разделенных растений растут отдельно, из одного отростка может вырасти несколько полноценных деревьев.

Чем совершеннее животное, тем более совершенны его внутренние органы, и тем менее они могут быть заменены в случае их утраты. У животных есть общее чувство – орган, позволяющий координировать действия различных чувств, и иногда дублирующий их функции. Так, при лишении какой-то своей части, животное может какое-то время существовать и ощущать благодаря слабой чувствительности, «следу чувства» ($\psi\upsilon\chi\acute{\iota}\delta\omicron\nu\ \lambda\acute{\iota}\beta\omicron\varsigma$). Но все же полноценно жить, «сохранить природу» разрезанные животные не могут в силу отсутствия органов «сохранения жизни» (у одних частей нет возможности поглощать пищу, у других – ее переваривать) и неспособности жизненного начала их восстановить.

Середина и сердце [3, 468b17–469a10]

Если в предыдущей главе речь шла о животных, то теперь Аристотель продолжает доказательство своего тезиса о локализации души в середине на примере разрезания растений. Он указывает на три способа возникновения растений: из семян, путем прививок и путем черенкования. В первом случае рост происходит, по мнению Аристотеля, из серединки двудольного семени, точка роста – это точка, где

¹⁰ В.Н Карпов переводит данный термин «достигшие законченного развития», «У всех животных, достигших законченного развития, имеются две необходимые части: та, которой они принимают пищу, и та, которой производят выделение... Третья часть, в которой помещается начало жизни, у всех существ лежит посередине между вышеуказанными» (II, 10, 655b36-656b1), *Аристотель. О частях животных* / Пер. В.П. Карпова. М., 1937.

сращены доли семени, именно отсюда вырастают стебель и корень у новых ростков. Так что начало роста – это середина.

Аргумент состоит в том, что поскольку середина определяется по отношению к верху и низу, а место, откуда начинается рост ветви и корня, есть место между верхом и низом, то место, откуда начинается рост ветви и корня растения, и есть середина. У Росса греческий текст 468b19-22 отличается от текста в издании Хетта. Переводим по Хетту: διθύρων γὰρ ὄντων πάντων, ἧ συμπέφυκεν ἔχεται, καὶ τὸ μέσον ἐστὶν ἐκατέρου τῶν μορίων ἐντεῦθεν γὰρ ὃ τε καυλὸς ἐκφύεται καὶ ἡ ῥίζα τῶν φυομένων.

Если растение вырастает не из семени, а из отростка, то главным объектом поиска середины становится не семя, а почка, его «взрослый» аналог. Веточка может быть взята от другого растения путем отрезания и последующего укоренения, или путем вживления веточки или почки (прививание), в первом случае вырастают новые корни, а в другом – новые ветви, поскольку подвой уже укоренен. Почку Аристотель называет началом и серединой. Он говорит, что начало заключено посередине между стеблем и корнем, но поскольку корень и стебель у растения «везде», то почка оказывается визуальным образом середины и как бы сердцем растения.

Итак, доказывая, что душа как начало жизни всех живых существ локализована в сердце (середине), Аристотель приводит доводы и для растений, и для животных о связи питающего начала с серединой.

1. Аргумент от делимости: некоторые растения (и очень немногие животные) способны выжить после разрезания на части.
2. Аргумент от начала роста: рост у растений начинается из середины семени, рост у черенков и привоев начинается из почки.
3. Аргумент от порядка генезиса: у животных и у растений первым возникает сердце.

Сердце (сердцевина), заключающая начало жизни, возникает первым у животных и первым у растений Оно главный орган процесса питания и кроветворения, будучи целевой причиной питания, «действия прочих органов пищеварения осуществляется ради деятельности сердца». Оно – конечная причина и в качестве таковой обладает безусловной ценностью и силой.

У животных, обладающих кровью и развитым чувственным восприятием, ощущение находится в сердце, ибо там, по словам Аристотеля, находится орган, общий для всех отдельных органов ощущения. Два ощущения, вкус и осязание, связаны с сердцем, поэтому и остальные тоже, поскольку они тоже приводят сердце в движение.

Врожденное природное тепло в сердце [4, 469a23–b20]

После аргументации, основанной на наблюдении («чувства», «явления»), Аристотель переходит к рациональным доводам («логос»), и указывает на необходимость оптимального устройства живого целого для решения своих природных задач¹¹. Поскольку «природа во всем производит наилучшее из возможного», то наилучшим образом питающая и растущая функции души будут объединены в одном центре, где «обе они наилучшим образом сделают свою работу – и часть, где пища переваривается до конца, и принимающая ее». Этот центр – сердце. Как представляется, «здесь под принимающей частью» имеется в виду вся цепочка пищеварения, а кровь – последняя пища, а «конец пищеварения» – это и есть начало роста, образования органов, ради чего питание и существует. Такое начало должно быть в сердце как в месте, «принадлежащем правителю».

Второй аргумент состоит в различении «того, что пользуется, и того, чем оно пользуется» и сопровождается примером с флейтистом и рукой, которой он пользуется для игры на флейте. Византийский комментатор Аристотеля Михаил Эфесский поясняет, что Аристотель здесь говорит о сердце, которое пользуется другими органами пищеварения, но не совпадает с ними по месту. Но если сердце и другие органы не должны быть в одном месте, то принцип питания и ощущения – должны быть в одном.

Животные обладают, как говорит Аристотель, «неким врожденным природным теплом» (τινὰ σύμφυτον θερμότητα φυσικὴν), и каждая их часть, и все тело в целом. Живое – теплое, а мертвое, наоборот, холодно. Называя это Необходимо, чтобы начало этой теплоты было у животных с кровью в сердце, а у бескровных – в аналогичной части. В самом деле, все части перерабатывают и переваривают пищу с помощью природного тепла, но в наибольшей степени – та, что над всеми главенствует.

Сердце, сердцевина содержит жизненное тепло и погибает последним из всех частей. Поскольку сердце есть не у всех животных, Аристотель всегда дополняет: «или аналог сердца». То же относится и к растениям. В том же смысле, в каком можно говорить об аналоге крови у животных бескровных и о соке растений – в том же смысле Аристотель говорит применительно к ним о сердце-сердцевине. Используя метафору жизни как горения огня, он описывает душу как

¹¹ Ср. De part. an. 665b: «где окажется возможным, одно начало лучше многих» (Аристотель. О частях животных / Пер. В.Карпова. С. 101).

«горящую», «объятую пламенем» в сердце. Пока в душе и сердце сохраняется это внутреннее природное – сохраняется жизнь, когда пламя гаснет – наступает смерть.

Почему гаснет огонь жизни? [5, 469b21–470a18]

Но почему огонь прекращает гореть? Поскольку огонь в рассуждении Аристотеля – это метафора жизни, вопрос этот можно задать иначе: почему гаснет огонь жизни? Почему наступает смерть? Аристотель рассуждает о двух причинах уничтожения огня – внешней и внутренней и, соответственно, о двух видах его гибели (φθορά). Первый он называет *μίρασις*, *угасание*, иссякание (ссылаясь на обыденный язык: «мы называем», *καλοῦμεν*), и в этом случае огонь гаснет сам (ὁφ' αὐτοῦ). Второй вид гибели огня – *σβέσις*, *затухание*, когда его тушат с помощью чего-то, ему противоположного, следовательно, внешнего (эта причина может быть и естественной, например, сильный дождь, но по отношению к огню – это внешнее и противоположное). Таким образом, огонь либо гаснет сам, и тогда это метафора естественной смерти от старости, либо он потухает под воздействием внешних причин – и это смерть насильственная. Но на самом деле, отмечает философ, в обоих случаях огонь перестает гореть по одной и той же причине: из-за отсутствия пищи; лишенный питания (горючего) для поддержания тепла, огонь перестает гореть. И чтобы огонь потушить, используют для этого вещи с противоположными огню свойствами (горячий и сухой по своей природе огонь можно заливать водой или засыпать землей или чем-то подобным сухим и твердым, например, железной крышкой-«тушилкой»), при этом главная задача – лишить огонь горючего.

Насильственная смерть ассоциируется прежде всего с повреждением того или иного органа системы пищеварения, принимающего либо переваривающего пищу, – и Аристотель говорит о том, что «противоположное» огню (жизни), останавливая пищеварение (*παῦον τῆν πέψιν*), препятствует усвоению пищи (*κωλύει τρέφεσθαι*). Если же говорить не о насильственном, а о естественном *угасании* огня жизни, то оно, по Аристотелю, происходит не от противоположного (холода), а от самого же тепла – от избыточного накопления теплоты по причине отсутствия дыхания и охлаждения.

Аристотель использует и другую аналогию – между огнем малым и огнем большим (огонь, например, большого очага по сравнению с огоньком лампы) и огнем внутренним, природным теплом, и огнем внешним, накопленной теплотой от окружающей среды и от питания.

Без дыхания это большое тепло сожжет огонь внутренний, и он лишится своей пищи. Здесь в тексте главы встречается интересное выражение: избыточный огонь успевает сжечь пищу-горючее «прежде, чем прекратится испарение». Если идет испарение, значит есть переваривание, ведь пища не может быть без влаги и переваривание не может быть без огня (внутреннего тепла); так что если пища будет уничтожена прежде, чем остановится процесс испарения, значит, прекратится сам процесс питания и ее усвоения.

Наконец, в данной главе нельзя не отметить обогащение аналогии жизни и огня красивым сравнением горения огня с течением реки: огонь горит – это значит что он находится в постоянном возникновении, и как в реке все время сменяются и уносятся прочь новые потоки воды, так и огонь все время новый, все время в нем заново что-то горит, но нам кажется, что это одно и то же пламя, один и тот же костер, – потому что возникновение происходит очень быстро, и у нас сохраняется цельный зрительный образ.

В целом Аристотель утверждает, что для сохранения тепла – а значит, и для сохранения жизни – обязательно должно происходить охлаждение «заклученного в начале» тепла. Несомненно, это именно то тепло, которое в предыдущей четвертой главе было названо «врожденным природным теплом» (*De juv.* 4, 469b7-8) и «природным теплом» (b12). Можно добавить, что это рассуждение Аристотеля о сохранении тепла и охлаждении можно сопоставить с одним из афоризмов Гиппократа, в котором сказано, что молодые («растущие») «имеют больше врожденного тепла ($\tau\acute{o}$ ἔμφυτον θερμόν), поэтому им требуются больше пищи, – в противном случае, тело истощится. У стариков же тепла не много, а потому они нуждаются в малом количестве сгораемого, ибо его избыток погасил бы тепло» («Афоризмы», 1, 14). Таким образом, в молодом и старом возрасте опасность представляет противоположное: молодой организм при недостатке питания угаснет, а старый угаснет от ее избытка. Внутреннее тепло будет быстрее сжигать собственное тело как пищу, поскольку молодой организм горячее и внутреннего тепла в нем больше. А старый организм, по природе более холодный и сухой, скорее может скончаться от переизбытка – ибо избыток образовавшегося тепла сожжет собственное врожденное тепло как гасится малый огонек лампы.

Пища, среда и охлаждение растений [6, 470a19–470b5]

В шестой главе трактата Аристотель вновь говорит о природном тепле жизни, но уже применительно к растениям. Ранее в *De juv.* 4,

469b8 было сказано о «врожденном природном тепле», которым обладают животные. Но поскольку внутреннее природное тепло по мысли Аристотеля оказывается как бы «местом» для питающей души, то такое тепло должно быть и у растений тоже.

Растениям для сохранения природного тепла тоже требуется охлаждение, но оно не может произойти благодаря дыханию, растениям «достаточно той помощи, которую оказывают пища и окружающая среда». Пища, т.е. влага, добываемая корнями из земли, охлаждает, отмечает философ, и предлагает для пояснения сравнение с людьми, что мы можем встретить в его биологических текстах не часто. Так, у людей съеденная пища охлаждает, когда она только проглочена, но еще не подверглась перевариванию. А пост, воздержание от еды «разогревает и вызывает жажду». Почему пост разогревает? – Потому что не происходит охлаждения, но не только за счет температуры самой пищи (ее, действительно, можно было бы с этой целью охладить), но и за счет движения воздуха внутри организма, вызванного перемещением пищи по органам пищеварения. При переваривании же пища станет источником нового тепла.

Растения, укорененные в земле, не могут менять своего места произрастания, – получается, что им угрожает в разное время года не одно и то же: летом – излишнее тепло, зимой – излишний холод. Но фактически растения погибают в обоих случаях от потери тепла и пищи – они засыхают, но летом растение сохнет от подобного (внешнего тепла), а зимой – от противоположного (внешний холод уничтожает тепло, прекращая питание). Зимой солнце греет слабо, следовательно, слабо поддерживает природное тепло жизни, а сильный мороз чрезмерно охлаждает жизненное начало, – оно замерзает. Жарким летом, наоборот, тепла может быть слишком много – и охлаждающей влаги, извлекаемой корнями из земли, не достаточно для охлаждения жизненного начала (души): охлаждение, которое могут получить корни растений (местом жизненного начала Аристотель ранее называл середину между корнями и стволом), меньше того тепла, которое поступает от внешней среды благодаря Солнцу. Так что «малый огонь» растительной души гибнет от «большого огня» окружающей среды – и тогда растение засохнет. Чтобы этого не произошло, садовые растения вокруг стволов у корней заваливают камнями либо сосудами с водой, чтобы обеспечить им дополнительное охлаждение и не допустить губительного перегрева. Аристотель говорит «некоторые виды камней», имея в виду скорее их размер и форму, а не сорта минералов.

Заключительное обещание Аристотеля посвятить отдельное рассуждение вопросу о том, каким именно образом водные животные охлаждаются водой, а сухопутные – воздухом, то есть самой средой своего обитания, ясно указывает на следующее далее продолжение текста – трактат «О дыхании» как его вторую часть.

Аристотель

О ЮНОСТИ И СТАРОСТИ, О ЖИЗНИ И СМЕРТИ
ΠΕΡΙ ΝΕΟΤΗΤΟΣ ΚΑΙ ΓΗΡΩΣ, ΚΑΙ ΖΩΗΣ ΚΑΙ ΘΑΝΑΤΟΥ

Глава 1 [De juv. 467b10–468a12]

Теперь скажем о юности и старости, о жизни и смерти. Пожалуй, необходимо сразу же сказать и о причинах дыхания, ведь у некоторых животных от дыхания зависят жизнь и ее конец.

Душе мы дали определение в другом сочинении. Ясно, что ее сущность не может быть телом, также очевидно, что она заключается в той части тела, которая обладает большей силой по сравнению с другими частями. Вопрос о прочих частях души (или же способности – как бы их ни называть), мы сейчас оставим. Что же касается тех, благодаря которым говорится о «животных» и «живых», то необходимо, чтобы у них, поскольку в них достигается двоякое (я имею в виду под «двоющим» – «быть животным» и «быть живым»), была одна и та же часть, согласно которой «живое» мы именуем также и «животным». В самом деле, животное, поскольку оно животное, не может не жить. Но поскольку нечто живое, оно тем самым не необходимо является животным, ведь растения хотя и живые, однако не имеют ощущений. А животное от не-животного мы отличаем на основании способности ощущать.

Итак, необходимо, чтобы по числу эта часть была одной и той же, а по бытию – многими разными, ведь «быть животным» не то же самое, что «жить». Далее, поскольку наряду с отдельными органами ощущений существует еще некий общий орган для всех ощущений (ἐν τῷ κοινῷ αἰσθητήριον), в котором сходятся все ощущения, воспринятые в действительности, – такой орган должен быть посередине между тем, что называют «впереди» и «сзади» («впереди» определяется относительно того, откуда приходит ощущение, а «позади» ему противоположно). Но тела у всего живого разделяются также на «верх» и «низ» (ибо у всего есть верх и низ, в том числе у растений). Отсюда ясно, что питающее начало будет посередине между ними.

Ту часть, посредством которой в тело поступает пища, мы называем «верхом», обращая внимание на это, а не на все окружающее в целом. А «низом» называем ту часть тела, посредством которой производится первичное выделение.

В этом отношении растения противоположны животным. В самом деле, человек в силу прямой осанки отличается от всех живых существ более всего тем, что его верхняя часть направлена туда, где верх всего мирового целого, в то время как у прочих животных она находится посередине. А верхняя часть растений, которые по своей природе неподвижны и получают пищу из земли, находится в силу необходимости внизу. Ибо корни растений и то, что называется ртом у животных, аналогичны: одни свою пищу получают корнями из земли, а другие из себя самих.

Глава вторая [De juv. 468a13–b15]

Вполне развитые животные подразделяются на три части: одной частью они поглощают пищу, другой производят выделение, а третья – посередине между ними. Эта часть у крупных животных называется грудью, у остальных же ее аналогом; у некоторых она может быть оформлена сравнительно больше, чем у других. У животных, способных перемещаться, к ним добавляются части, предназначенные для выполнения этой задачи, и с их помощью они несут свои туловища, – это ноги, стопы и тому подобное, с тем же назначением.

То, что в середине этих трех частей находится начало питающей души, очевидно как на основании наблюдения, так и на основании рассуждения. Ведь многие животные при отсечении одной из частей – головы и части, принимающей пищу, – сохраняют жизнь вместе с той частью, к которой примыкает середина. Так бывает с насекомыми, например, осами и пчелами. Но и помимо насекомых многие животные после разрезания на части могут жить благодаря питающему началу.

Эта средняя часть в действительности одна, но потенциально их может быть много. Так же и у растений, ведь и части разделенных растений продолжают жить отдельно, и из одного начала вырастает много деревьев. О том, почему одни растения не способны жить при разделении на части, а другие отрастают заново, мы скажем в своем месте. И в этом отношении растения, пожалуй, подобны роду насекомых.

Так что необходимо, чтобы питающая душа у тех, кто ею обладает, в действительности была одна, потенциально же душ много. Такова и душа чувствующая, поскольку видно, что отрезанные части на-

секомых обладают чувствительностью. Но если говорить о сохранении природы, то растения способны, а животные не способны ее сохранить вследствие того, что они лишены органов для ее сохранения: ибо одни [отрезанные части] оказываются лишены того, чем взять пищу, другие – того, чем ее поглотить, третьи – и других частей помимо этих.

Такие животные похожи на несколько сросшихся вместе особей, – однако этого не происходит с высшими животными, природа которых едина настолько, насколько это возможно. После разделения они лишь очень слабо ощущают, обладая неким душевным претерпеванием. Ведь некоторые животные продолжают двигаться после удаления внутренних органов (черепахи, например, даже после удаления сердца).

Глава третья [De juv. 468b16-469a10]

Далее. Ясно, что это так и для растений, и для животных, если исследовать возникновение растений из семян, а также с помощью прививания и черенкования.

В самом деле, рождение из семени всегда начинается из середины: ведь все семена двудольны, и там, где они срастаются – там и середина между обеими долями, ведь оттуда вырастают стебель и корень у ростков. Так что начало роста – это середина. То же самое с привоями и черенками, что хорошо видно на почках. Ведь почка ветви – это своего рода начало, но одновременно и середина, и ее можно либо вырезать, либо привить, чтобы из нее выросли соответственно либо ветви, либо корни, поскольку начало заключено посередине между стеблем и корнем.

И далее, у животных с кровью первым возникает сердце, что очевидно в тех случаях, когда есть возможность наблюдать ход возникновения. Следовательно, и у бескровных животных первым должно возникать нечто аналогичное сердцу. Ранее в трактате «О частях животных» мы утверждали, что сердце является началом вен, и что у животных с кровью кровь является последней пищей, из которой формируются органы.

Ясно, что одну функцию в процессе питания выполняет рот, другую желудок, но важнее всего сердце, ибо от него зависит конечная цель. Поэтому у животных с кровью начало как чувствующей, так и питающей души должно быть в сердце, ведь действия прочих органов пищеварения осуществляется ради деятельности сердца. Необходимо, чтобы главное всегда пребывало в «том, для чего», а не в том, что делается ради него, – так действия врача направлены на здоровье.

Далее, у всех животных с кровью главное ощущение находится в сердце, ибо там по необходимости находится орган, общий для всех отдельных органов ощущения. Мы видим, что два ощущения, вкус и осязание, связаны с ним, следовательно, и остальные тоже. Ведь и остальные ощущения могут привести его в движение, но эти два не устремлены кверху.

Помимо того, если жизнь у всех заключена в средней части, очевидно, что в ней необходимо находится и чувствующее начало. Ведь как мы утверждаем, поскольку существует животное, постольку и жизнь, и поскольку тело обладает ощущением, постольку мы называем его животным. А почему одни ощущения очевидно направлены к сердцу, а другие находятся в голове (поэтому раньше и было такое мнение, что животные ощущают благодаря мозгу), – о причине этого мы сказали в другом месте.

Глава четвертая [De juv. 469a23–b20]

Итак, на основании явлений из сказанного ясно, что здесь, в середине между тремя частями тела, находится и начало чувствующей души, и растительной, и питающей. Это же ясно и на основании рассуждения. Мы видим, что природа во всем производит наилучшее из возможного; но если каждая из частей будет заключена в середине того, что является началом их обеих, тогда обе они наилучшим образом сделают свою работу – и часть, где пища переваривается до конца, и принимающая ее. Это так для каждой из них, поэтому место такой середины должно быть местом, принадлежащим правителю.

Кроме того, следует различать того, что пользуется, и то, чем оно пользуется (и поскольку они различны по своей силе, постольку и по месту, если возможно), – например, флейта и то, что флейтой движет – рука. Итак, раз животное определяется через обладание ощущающей душой, то животные с кровью должны иметь это начало в сердце, а бескровные – в той части, которая является его аналогом.

Все части и все в целом тело у животных обладает неким врожденным природным теплом. Поэтому при жизни они теплые, а умерев и лишившись жизни – наоборот. Необходимо, чтобы начало этого тепла было у животных с кровью в сердце, а у бескровных – в аналогичной части. В самом деле, все части перерабатывают и переваривают пищу с помощью природного тепла, но в наибольшей степени – та, что над всеми главенствует.

Вот почему когда охлаждаются остальные части тела, жизнь все же остается, а если замерзнет и эта часть – то оно погибнет, поскольку начало тепла крепится отсюда ко всем остальным частям. Душа

здесь словно объята пламенем – у животных с кровью это сердце, у бескровных его аналог. Следовательно, необходимо, чтобы оно одновременно и давало начало жизни и сохраняло жизненное тепло, а так называемая смерть есть его гибель.

Глава пятая [De juv. 469b21–470a18]

Мы можем видеть, что есть два вида гибели огня – угасание и затухание. Угасание – когда огонь гибнет сам, затухание – когда он погибает от противоположного, и первое это смерть от старости, а второе – насильственная. Но получается, что в обоих случаях он гибнет из-за одного и того же: лишенный пищи, не получая питания для тепла, огонь погибает. Ведь и противоположное, прекращая пищеварение, препятствует питанию. Угасает же огонь жизни, когда скапливается избыточно много тепла из-за отсутствия дыхания и охлаждения, – ибо когда тепла накапливается слишком много, оно быстрее уничтожает пищу, и огонь успевает сжечь пищу прежде, чем прекратится испарение. Оттого не только малый огонь гаснет от более сильного, но и пламя светильника, помещенное в более сильное пламя, полностью выгорает, как и любое горючее вещество. Причина в том, что большое пламя потребляет горючее быстрее, чем поступает новая пища; огонь же всегда пребывает в возникновении и течет словно река, но этого не заметно, потому что происходит это очень быстро.

Итак, ясно, что для сохранения тепла (что необходимо, если хочешь жить) должно происходить некое охлаждение тепла, заключенного в начале. Можно привести пример с горячими углями: если угли плотно накрыть со всех сторон особой «тушилкой», то они скоро погаснут, а если ее несколько раз поднимать и опять опускать, угли будут оставаться раскаленными долгое время. Укрывание сохраняет огонь, ведь из-за рыхлости золы оно не препятствует дыханию, но преграждает доступ окружающему воздуху, чтобы он не погасил огонь вследствие большого количества заключенной в нем теплоты.

О причинах же того, почему в результате получается противоположное, – если огонь укрыть, и если его полностью лишить доступа воздуха (в последнем случае он гаснет, а в первом сохраняется долгое время, – было сказано в «Проблемах».

Глава шестая [De juv. 470a19–470b5]

Все живые существа обладают душой, которая существует, как мы уже говорили, не без природного тепла, и растениям, чтобы сохранить природное тепло, достаточно той помощи, которую оказывают пища и окружающая среда. Ведь пища, входя внутрь, охлаждает

ет, – как и у людей сразу после приема пищи, а воздержание от еды, напротив, разогревает и вызывает жажду. Ведь воздух всегда нагревается, когда застаивается, а при поступлении пищи он охлаждается, приходя в движение, пока идет ее переваривание.

Если окружающий воздух оказывается слишком холодным из-за времени года, когда бывают сильные морозы, то растения чахнут; или же если летом бывает слишком жарко и влага, извлекаемая ими из земли, не может их охладить, то их тепло погибает, иссякая. И тогда говорят, что деревья «обожжены» и что у них «тепловой удар» по причине таких погодных условий. Поэтому для их охлаждения к корням подкладывают некоторые виды камней и сосуды с водой.

Что касается животных, то поскольку у одних средой обитания является вода, у других – воздух, то их охлаждение происходит в этом и с помощью этого, то есть одни охлаждаются водой, другие воздухом. Для тех, кто хочет понять, каким образом и как именно, следует сказать подробнее в отдельном рассуждении.

*Перевод с древнегреческого
М.А. Солоповой*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. О частях животных / Пер., вступ. статья и прим. В.П. Карпова. М.: Гос. изд-во биологич. и медицинской. лит-ры, 1937.

Аристотель. О душе / Пер. П.С. Попова // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 369–447

Солопова М.А. О месте трактата О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании в корпусе аристотелевских сочинений, его названии и разделении текста издателями // СХОАН. 2018. Т. 12. № 1. С. 167–181.

Солопова М.А. (пер.) Аристотель. О долготе и краткости жизни // Вопросы философии. 2016. №12. С. 169–173.

Месяц С.В. Трактат «О дыхании» и его место среди малых естественнонаучных произведений (Parva naturalia) Аристотеля // История философии. 2020. Т. 25, №1. С. 95–100.

Месяц С.В. (пер.) Аристотель. О дыхании (главы 1–7) / Пер. и прим. С.В. Месяц // История философии. 2020. Т. 25, № 1. С. 101–110.

Месяц С.В. (пер.) Аристотель. О дыхании (главы 8–21) / Пер. и прим. С.В. Месяц // История философии. 2020. Т. 25. № 2. С. 106–120.

Biehl W. (ed.). *Aristotelis Parva naturalia* / Recognovit G. Biehl. (Bibliotheca Teubneriana). Lipsiae: B.G. Teubneri, 1898.

Hett W.S. (transl.) Aristotle. On the Soul. Parva naturalia. On Breath / With an English translation by W.S. Hett. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957.

Hippocrate. Oeuvres complètes / Ed. É. Littré. Vol. 4. Aphorismi. Paris: Baillière, 1844 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1962). P. 458–608.

King R.A.H. Aristotle on Life and Death. London: Duckworth, 2001.

Michaelis Ephesii *In parva naturalia commentaria* / Ed. P. Wendland. Commentaria in Aristotelem Graeca 22.1. Berlin: Reimer, 1903, P. 1–149.

Ross W.D. (ed.) Aristoteles: *Parva naturalia* / A revised text with introd. and commentary by Sir David Ross. Oxford: Clarendon Press, 1955.

Ross W.D. (ed.) Aristotle: *De anima* / Ed. with introduction and commentary by Sir David Ross. Oxford: Oxford University Press, 1961.

Tricot J. (trad.) Aristote, *Parva naturalia suivis du Traité pseudo-aristotélicien De spiritu*. Paris: Vrin, 1951.

Ogle W. (trans.) Aristotle. *On youth and old age, life and death and respiration* / Translated with introduction and noted by W. Ogle. New York; Bombay: Longmans, Green and Co, 1897.

MARIA SOLOPOVA

PhD in Philosophy, Senior Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russia.

E-mail: msolopova@yandex.ru.

Aristotle's Treatise *On Youth and Old Age, Life and Death* As a Part of the *Parva Naturalia* Collection

Abstract: The article discusses the text and main topics of Aristotle's treatise "On youth and old age, life and death" as a work of the *Parva naturalia* collection, i.e. small works which discuss natural phenomena involving the body and the soul. This publication presents a new translation into Russian of this Aristotle's work, a study and comments on special Aristotelian terminology, the most interest themes of the treatise are compared with other passages from relevant works of the *Corpus Aristotelicum*. The article as an introduction to the first translation of this text summarizes the arguments pro et contra the publication of this text as an independent treatise "On Youth and Old Age, Life and Death" (chapters 1–6) and as part of the 27-chapter treatise "On Youth and Old Age, Life and Death and on Respiration" (in this case, chapters 7–27 correspond to the text of the treatise "On Respiration"). The article discusses such topics as Aristotle's doctrine on the middle, the heart as the most important part of the living body, "peritoma" (excess, undigested food debris), two types of extinction of fire as a metaphor for life and death, innate natural heat. A complete translation of the treatise is presented after analysis of the content of its six chapters.

Keywords: Aristotle, *Parva naturalia*, life, nutritive soul, plants, animals, middle, heart, food, natural heat.

References

Biehl, W. (ed.). *Aristotelis Parva naturalia*, recognovit G. Biehl. (Bibliotheca Teubneriana). Lipsiae: B.G. Teubneri, 1898.

Hett, W.S. (transl.) *Aristotle. On the Soul. Parva naturalia. On Breath*. London: Harvard University Press, 1936.

Karpov, V.P. (transl.) *Aristotle. O chastyakh zhyvotnykh* [On the Parts of Animals]. Moscow: Gos. izdat. biologich. i meditsinskoi lit. Publ., 1937. (In Russian)

King, R.A.H. *Aristotle on Life and Death*. London: Duckworth, 2001.

Littré, É. (ed.). *Hippocrate. Oeuvres complètes*, ed. É.Littré. Vol. 4. Aphorismi. Paris: Baillière, 1844 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1962). P. 458–608.

Mesyats, S.V. “Traktat “O dykhanii” i ego mesto sredi malykh estestvenno-nauchnykh proizvedenii (Parva naturalia) Aristotelya” [Treatise “On Breath” and Its Place Among the Small Psychological Works (Parva Naturalia) of Aristotle], *History of Philosophy*, 2020, Vol. 25, No. 1, pp. 95–100. (In Russian)

Mesyats, S.V. (trans.), “Aristotle. O dykhanii [On Respiration], chapters 1–7”, *History of Philosophy*, 2020, Vol. 25, No. 1, pp. 101–110. (In Russian)

Mesyats, S.V. (trans.), “Aristotle. O dykhanii [On Respiration], chapters 8–21”, *History of Philosophy*, 2020, Vol. 25, No. 2, pp. 106–120. (In Russian)

Popov, P.S. (trans.) Aristotle, *O dushe* [On the soul], trans. into Russian by P.S. Popov, in: Aristotle. *Sochineniya* [Works], in 4 Vols. Vol. 1. Moscow: Mysl’ Publ., 1976, pp. 369–447. (In Russian)

Ogle, W. (transl.) *Aristotle. On youth and old age, life and death and respiration*, translated with introduction and noted by W. Ogle. New York; Bombay: Longmans, Green and Co, 1897.

Ross, W.D. (ed.) *Aristotle, Parva Naturalia*. , A revised text with introd. and commentary by Sir David Ross. Oxford: Oxford: Clarendon Press, 1955.

Ross, W.D. (ed.) Aristotle: De anima / Ed. with introduction and commentary by Sir David Ross. Oxford: Oxford University Press, 1961.

Solopova, M.A. “O meste traktata O yunosti i starosti, zhizni i smerti i o dykhanii v korpuse aristotelevskikh sochinenii, ego nazvanii i razdelenii teksta izdatelnyimi” [On the Place of the Treatise “On Youth and Old Age, Life and Death, and On Respiration” within the Corpus Aristotelicum, its Title and the Editorial Division of the Text], *ΣΧΟΛΗ*, 2018, Vol. 12, No. 1, pp. 167–181. (In Russian) (In Russian)

Solopova, M.A. (trans.) “Aristotle, O dolgote i kratkosti zhizni” [On Lenth and Shortness of Life], *Voprosy filosofii / Quaestions of Philosophy Journal*, 2016, No 12, pp. 169–173. (In Russian)

Tricot, J. (trad.) *Aristote, Parva naturalia suivis du Traité pseudo-aristotélicien De spiritu*. Paris: Vrin, 1951.

Wendland, P. (ed.) *Michaelis Ephesii In parva naturalia commentaria*, ed. P. Wendland. Commentaria in Aristotelem Graeca 22.1. Berlin: Reimer, 1903, pp. 1–149.